Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

БРАК КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ

Рассматриваемый как психологическое взаимоотношение. брак представляет собой чрезвычайно сложную структуру, образован-ную целым рядом субъективных и объективных факторов -большей частью — весьма разнородной природы. Поскольку здесь я хочу ограничиться чисто психологическими проблемами брака, то должен пренебречь, в основном, объективными факторами юридического и социального характера, хотя эти факторы не могут не оказывать ясно выраженного влияния на психологические взаимоотношения между супругами.

Всякий раз, когда мы говорим о «психологическом взаимо-отношении», мы предполагаем *сознательное* взаимоотношение, ибо не существует такой вещи как психологическое взаимоот-ношение между двумя людьми, находящимися в состоянии бес-сознательности. С психологической точки зрения, они были бы совершенно не связаны друг с другом. С какой-то другой точки зрения, например, физиологической, их можно было бы счесть связанными, однако их связь нельзя было бы назвать психологической. Разумеется, хотя такая тотальная бессознательность какую я только что предположил, на самом деле не встречается тем не менее парциальная бессознательность -— явление отнюдь не редкое, и масштабами его существования ограничивается наличие психологического взаимоотношения у ребенка сознание возникает из глубин бессознательной психической жизни, сначала в виде изолированных островков, которые постепенно объединяются, образуя «континент», непре-рывный массив сознания. Прогрессирующее умственное развитие означает, фактически, расширение сознания. И только с возник-новением непрерывного сознания, не раньше, становится воз-можным психологическое взаимоотношение. Насколько нам из-вестно, сознание — это всегда эго-сознание. Чтобы сознавать себя, я должен быть способен отличать себя от других. Взаи-моотношение может иметь место лишь там, где это отличие существует. Но даже если такое отличие проводится в общих чертах, обычно оно неполное, потому что обширные области психической жизни все еще остаются бессознательными. По-скольку невозможно провести отличие между бессознательными содержаниями, то на этой территории невозможно и установить взаимоотношение; здесь еще господствует изначальное бессозна-тельное состояние примитивной тождественности эго с другими, то есть полное отсутствие взаимоотношений.

Достигшие брачного возраста молодые люди конечно же об-ладают эго-сознанием (как правило, девушки в большей степени, чем юноши), но поскольку они лишь недавно вышли из тумана изначальной бессознательности, то наверняка должны иметь ши-рокие зоны, которые *еще* находятся в тени и, до известной степени, мешают образованию психологического взаимоотноше-ния. На практике это означает, что молодому мужчине (или юной женщине) доступно лишь ограниченное понимание себя и других, а значит, они недостаточно осведомлены как о своих мотивах, так и о мотивах других людей. Как

правило, мотивы, лежащие в основе их поступков, преимущественно бессознатель-ны. Конечно, субъективно, такой молодой человек (или девушка) считает себя в высшей степени сознательным и осведомленным, ибо все мы постоянно переоцениваем существующее содержание сознания; именно потому на нас и производит столь сильное впечатление обнаружение того, что нечто, казавшееся нам конечной вершиной, есть лишь первая ступенька в очень долгом и трудном восхождении к вершине подлинной. Чем больше зона бессознательности, тем в меньшей степени брак оказывается делом свободного выбора, что субъективно проявляется в том фатальном принуждении, которое человек так остро ощущает когда он влюблен. Эта компульсия может существовать и при отсутствии влюбленности, хотя и в менее приятной форме.

Бессознательные мотивации могут иметь как личную, так и общую природу. Прежде всего, сюда относятся мотивы, ведущие свое происхождение от родительского влияния. Взаимоотношения молодого человека с матерью, а девушки — с отцом, являются, в этом плане, детерминирующим фактором. Именно прочность связи с родителями бессознательно влияет на выбор мужа или жены, — либо положительно, либо отрицательно. Сознательная любовь к одному из родителей благоприятствует выбору похожего на него брачного партнера, тогда как бессознательная привязан-ность (которая вовсе не обязана выражать себя сознательно в виде любви) затрудняет выбор и навязывает характерные по-правки. Для того, чтобы их понять, нужно прежде всего знать причины бессознательной привязанности к родителям и при каких обстоятельствах она насильственно изменяет или даже блокирует сознательный выбор. Вообще говоря, вся та жизнь, которую родители могли бы прожить, но не прожили, потому что следовали искусственным мотивам, передается в форме суб-ституции их детям. Другими словами, детей как бы вынуждают двигаться в направлении, которое предназначено компенсировать все, что осталось неосуществленным в жизни их родителей. Поэтому-то сверхдобродетельные родители, случается, имеют что называется «безнравственных» детей, а безответственный мот-отец имеет сына с явно болезненным честолюбием и т. д. Наихудшие последствия вызывает искусственная бессознательность родите-лей. Возьмем, к примеру, историю матери, которая умышленно удерживает себя от осознания происходящего с тем, чтобы не нарушать видимость «хорошего» брака. Бессознательно она, ве-роятно, привязывает к себе сына, в качестве более или менее подходящей замены мужа. В результате сын, если он не доведен этим прямо до гомосексуализма, принуждается к изменению своего выбора в направлении, противном его истинной натуре. Например, он женится на девушке, которая явно уступает ею матери и поэтому не способна конкурировать с ней; или увлечется женщиной деспотичного и властолюбивого нрава, которой, воз-можно, удастся оторвать его от матери. Выбор супруги(а), если инстинкты не были загублены, может остаться свободным от этих влияний, но раньше или позже они дадут о себе знать в качестве разного рода препятствий. Более или менее инстинк-тивный выбор можно, пожалуй, считать наилучшим с точки зрения продолжения рода, однако он не всегда удачен психоло-гически, поскольку между чисто инстинктивной и индивидуально развитой личностью зачастую существует необычайно большое различие. И хотя в таких случаях, благодаря чисто инстинктив-ному выбору, могло бы иметь место улучшение и

укрепление «породы», индивидуальное счастье скорее всего пострадало бы при этом. (Разумеется, в данном контексте слово «инстинкт» — это не более чем собирательный термин для всех возможных органических и психических факторов, природа которых по боль-шей части нам неизвестна.)

Если бы человеческого индивида можно было рассматривать исключительно как инструмент для сохранения вида, тогда чисто инстинктивный выбор супруги(а) оказался бы самым лучшим. Но так как основа такого выбора бессознательна, то на ней удается построить только что-то ироде безличной любовной связи (liaison), какую можно наблюдать в совершенстве у примитивных народов. Если мы вообще вправе говорить здесь о «взаимоот-ношении», то в лучшем случае это будет лишь слабым отблеском того, что мы обычно имеем, в виду: очень холодной любовной связью безличного характера, полностью регулируемой традици-онными обычаями и предрассудками, прототипом любого конвенциального брака.

Когда брак не устраивается под влиянием благоразумия, рас-чета или так называемой любящей заботы родителей и когда древние инстинкты детей не загублены неправильным воспита-нием или скрытым воздействием скопившихся и оставленных без внимания родительских комплексов, брачный выбор обычно следует бессознательным мотивировкам инстинкта. Бессознатель-ность имеет своим результатом недифференцированность или бессознательную тождественность. Практическим следствием бу-дет то, что один человек станет предполагать у другого наличие такой же психологической структуры, как и у него самого. Нормальная половая жизнь, как общий жизненный опыт с вроде бы сходными целями (aims), еще больше усиливает чувство единства и тождественности. Это состояние описывается как состояние полной гармонии и превозносится как великое счастье («Одно сердце и одна душа»), — и не без основания, поскольку возвращение к изначальному состоянию бессознательного един-ства есть как бы возвращение в детство. Отсюда и ребяческое поведение всех влюбленных. Более того, это как бы возвращение в утробу матери, с изобилующие возможностями глубины еще бессознательного творчества. Это поистине подлинное и неоспо-римое переживание (e xperience) Божественного, чья трансценден-тная сила стирает и поглощает все индивидуальное, настоящая общность с жизнью и безличной властью судьбы. Воля инди-видуума распоряжаться собой оказывается сломленной: женщина становится матерью, мужчина — отцом, и таким образом оба лишаются свободы и делаются орудиями влечения к жизни.

Здесь взаимоотношение остается внутри границ биологической инстинктивной цели, сохранения вида. Поскольку эта цель имеет коллективную природу, психологическая

связь между мужем и женой тоже будет, по существу, коллективной, и потому не может рассматриваться как индивидуальное взаимоотношение в психологическом смысле. Мы можем говорить о таковом лишь тогда, когда понята природа бессознательных мотиваций выбора и разрушена изначальная тождественность. Брак редко, а воз-можно, и никогда не развивается до индивидуального взаимо-отношения гладко и без кризисов. Без боли рождение сознания не происходит.

Путей, ведущих к сознательному пониманию (realization), мно-го, но все они подчиняются определенным законам. Обычно изменение начинается с наступлением второй половины жизни. Середина жизни — это время огромной психологической важ-ности. Ребенок начинает свою психологическую жизнь в пределах очень узких границ, внутри магического круга матери и семьи. По мере созревания он расширяет свой горизонт и свою соб-ственную сферу влияния; его надежды и устремления обращены к расширяющейся сфере личной власти и собственности; желание простирается к миру в непрерывно растущих масштабах; воля индивидуума становится все более и более тождественной есте-ственным целям бессознательных мотиваций. Таким образом человек вдыхает собственную жизнь в свои создания, пока они, наконец, не начинают жить сами по себе, множиться, — и вот они незаметно перерастают его. Матерями завладевают их дети, мужчинами — их творения, и то, что первоначально вызывалось к жизни с таким трудом и напряжением, теперь невозможно сдержать. То, что прежде было страстным увлечением, становится затем обязанностью и, наконец, невыносимым бременем, вам-пиром, жирующим за счет жизни своего создателя. Середина жизни — время наибольшего раскрытия, когда человек еще отдает своему делу все силы и способности. Но это и то время, когда зарождается вечер, начинается вторая половина жизни. Страсть изменяет свою внешность и теперь называется долгом: «я хочу» становится непоколебимым *«я* должен», а повороты пути, которые некогда были неожиданными и приносили с собой открытия, притупляются привычкой. Вино перебродило и начинает отста-иваться, становясь прозрачным. Если все идет хорошо, разви-ваются консервативные наклонности. Вместо того чтобы смотреть вперед, человек все чаще невольно оглядывается назад и начинает критически осмысливать прожитые годы. Делаются попытки оты-скать свои истинные мотивации и, в этом отношении, совер-шаются подлинные открытия. Критическое рассматривание са-мого себя и своей судьбы дает ему возможность распознать собственное своеобразие. Однако это прозрение дается ему не легко; оно достигается только ценой сильнейших потрясений.

Так как цели второй половины жизни иные, нежели первой, то когда человек слишком долго засиживается в юношеской позиции (attitude), это вызывает у него разлад желаний (a division of the will). Сознание еще проталкивается вперед, повинуясь, так сказать, собственной инерции, а бессознательное отстает, потому что необходимые для дальнейшей экспансии сила и внутренняя решимость уже истощены. Этот разлад с самим собой порождает

неудовлетворенность, и, поскольку человек не сознает реального положения дел, то обычно он проецирует причины такой не-удовлетворенности на своего партнера. Таким путем создается критическая атмосфера, необходимое вступление к сознательному пониманию. Обычно такое состояние возникает у супругов не одновременно. Даже наилучший брак не в состоянии стереть индивидуальные различия до такой степени, чтобы душевное состояние супругов было абсолютно идентичным. В большинстве случаев один из них адаптируется к браку значительно быстрее другого. Одному, кто основывается на позитивных взаимоотно-шениях с родителями, почти или совсем не приходится испытывать затруднений в приспособлении к партнеру, тогда как другому помехой в этом может стать глубоко укоренившаяся бессознательная связь с родителями. Поэтому он достигнет пол-ной адаптации позже, и поскольку она достигается с большим трудом, то вполне может, оказаться более прочной и долгосрочной.

Эти различия в темпе и в степени духовного развития яв-ляются главными причинами типичной трудности, обнаружива-ющей себя в критические моменты. Говоря о «степени духовного развития», я не имею в виду какую-то особенно богатую или великодушную натуру. Это совсем не так. Под этим я понимаю скорее определенную сложность ума или характера, сравнимую с играющим множеством граней самоцветом в противопостав-лении его простой кубической форме. Есть такие многосторонние и в известной мере проблематичные натуры, отягощенные иногда довольно трудно согласующимися наследственными чертами. Приспособление к таким натурам или же их приспособление к более простым личностям — всегда проблема. Эти люди, обладая определенной склонностью к диссоциации, обычно наделены спо-собностью отделять на длительное время несочетаемые черты характера, тем самым выдавая себя за гораздо более простых людей, чем есть на самом деле; или, может случиться так, что как раз их многосторонность и чрезвычайная гибкость придадут им особое обаяние в глазах других. Их партнеры могут легко затеряться в такой, подобной лабиринту, натуре, находя там столько возможностей обогащения личного опыта, что они це-ликом поглощают их собственные интересы, иногда не вполне приемлемым образом, поскольку теперь их единственным заня-тием становится прослеживание в другом человеке всех извивов и изгибов его характера. На этом пути так много доступного опыта (experience), что он окружает, если не сказать — затопляет, более простую личность. Она поглощается своим более сложным партнером и не способна найти выход из такого положения. Это чуть ли не обычное явление, когда женщина, духовно, пол-ностью умещается в своем муже, а мужчина, эмоционально, полностью помещается в своей жене. Пожалуй, можно было бы охарактеризовать это как проблему «содержимого» («
contained
») и «содержащего» («
container
»).

«Содержимый» ощущает себя живущим полностью с рамках брака. Его отношение (attitu de) к брачному партнеру безраздельно: пне брака не существует существенных обязанностей и обяза-тельных интересов. Неприятной стороной этого, в других отно-шениях идеального партнерства является беспокоящая зависи-мость от личности, которая никогда не будет не то что понята, но даже «осмотрена» во всей ее полноте, и потому не вполне заслуживает доверия. Огромное же преимущество «содержимою» заключено в его собственной цельности (undividedness) — фактор. немаловажный в психической организации.

С другой стороны, «содержащий», то есть тот, кто в соответ-ствии со своей склонностью к диссоциации имеет особую по-требность унифицировать себя в безраздельной любви к другому, будет в этой попытке, которая, естественно, очень трудна для него, оставлен далеко позади более простой личностью. Ища в последней все те тонкости и сложности, которые служили бы дополнением и соответствовали бы его собственным граням, он нарушает простоту другого. Поскольку простота в обычных ус-ловиях всегда имеет преимущество перед сложностью, то очень скоро ему придется отказаться от своих попыток вызвать тонкие и сложные реакции у более простой натуры. И довольно скоро его партнер, ожидающий от него — в соответствии со своей более простой натурой — простых реакций, причинит ему уйму хлопот тем, что констеллирует его сложности своим постоянным настойчивым требованием простых ответов. Волей-неволей он должен будет уйти в себя перед убедительной силой простоты. Любое умственное усилие, как и сам по себе сознательный процесс, требует от обыкновенного человека такого большого напряжения, что он неизменно предпочитает простоту, даже если это неправда. А когда простота оказывается хотя бы наполовину правдой, она тут же становится для него абсолютной истиной. Простая натура действует па сложную словно чересчур маленькая комната, которая не дает последней достаточно простора. С Другой стороны, сложная натура предоставляет простой слишком много комнат с избытком пространства, так что последняя ни-когда не знает, где она в действительности помещается. Поэтому совершенно естественным образом происходит так, что более сложная натура содержит в себе более простую. Первая не может быть поглощена последней, но окружает ее, не будучи, однако, окруженной сама. Кроме того, поскольку более сложная натура, возможно, имеет большую потребность быть «содержимой», чем простая, она ощущает себя вне брака и, соответственно, всегда играет сомнительную роль. Чем крепче «содержимый» держится за партнера, тем больше «содержащий» чувствует себя исклю-ченным из взаимоотношения. «Содержимый» протискивается во взаимоотношение благодаря своей верности (clinging), и чем сильнее он пробивается в него, тем меньше способен ответить на это «содержащий». Поэтому последний имеет склонность «смотреть на сторону», сначала, несомненно, бессознательно. Но с наступлением среднего возраста .в нем пробуждается более настойчивое стремление к тому единству и неделимости (undividedness), которые особенно необходимы «содержащему» и силу его диссоциированной натуры.

В этой фазе обычно и происходят события, доводящие конфликт до конца. «Содержа-щий» начинает сознавать, что стремится к полноте, ищет «вмес-тимости» и нераздельности, которых ему всегда недоставало. Для «содержимого» это лишь еще одно подтверждение всегда болез-ненно переживаемой ненадежности «содержащего»; он обнаружи-вает, что в комнатах, которые вроде бы принадлежали ему, живут и другие, нежеланные гости. Надежда на определенность исчезает, и эта обманутая надежда толкает «содержимого» к самому себе, если, конечно, отчаянными усилиями он не сможет принудить своего партнера сдаться и не преуспеет в вымогании признания, что его стремление к единству было не более чем детской или болезненной фантазией. Когда эта тактика не приносит успеха, то смирение со своей неудачей может оказаться подлинным благом, заставляя «содержимого» признать, что надежность, ко-торую он отчаянно искал в другом, можно найти в себе самом. Таким образом он обретает себя и открывает в своей простой натуре все те сложности, которые тщетно искал в ней «содер-жащий».

Если «содержащий» не теряет самообладания перед лицом того, что мы обыкновенно называем «супружеской неверностью», но упорно продолжает верить во внутреннее оправдание своего стремления к единству, ему придется на некоторое время при-мириться с собственной раздробленностью. Диссоциация исце-ляется не путем отщепления, а путем более полной дезинтеграции. Все силы, стремящиеся к единству, всякое здоровое эгоистическое желание будет сопротивляться дезинтеграции, и благодаря этому он осознает возможность внутренней интеграции, которую прежде всегда искал за пределами себя. И тогда «содержащий» обретет вознаграждение в виде «неразделенного Я».

Вот что весьма часто происходит в полдень жизни, и таким способом наша удивительная человеческая природа осуществляет переход из первой половины жизни во вторую. Этот метаморфоз представляет собой переход от состояния, в котором человек является лишь орудием инстинктивной природы, к другому состоянию, где он больше не является чьим-то орудием, но становится самим собой: происходит преобразование природы в культуру, инстинкта — в дух.

В общем, следует остерегаться прерывать это необходимое развитие путем морального насилия, ибо любая попытка создать духовную позицию (attitude) посредством отщепления и подав-ления инстинктов представляет собой подделку. Нет ничего более отвратительного, чем втайне похотливая духовность; она столь же неприятна, как и грубая чувственность. Однако такой переход требует длительного времени, и подавляющее большинство людей застревает на первых этапах пути. Если бы мы только могли, подобно дикарям, предоставить бессознательному присматривать затем полезным психологическим развитием, которое брак влечет за собой, то эти

преобразования могли бы совершаться более полно и без излишних трений. Поэтому среди так называемых «примитивов» часто встречаются одухотворенные личности, сразу же внушающие к себе глубокое почтение, которое обычно ис-пытываешь к совершенно зрелым плодам ничем не замутненной судьбы. Я утверждаю это, опираясь на собственный опыт. Но где среди современных европейцев можно отыскать людей, не искалеченных моральным насилием? У нас еще до сих пор достает варварства, чтобы верить и в аскетизм, и в его проти-воположность. Но колесо истории нельзя повернуть вспять. Мы можем лишь стремиться к такой позиции (
attitude
), которая позволит нам пережить нашу судьбу так безмятежно, как того требует содержащийся в нас первобытный язычник. Только при этом условии мы можем быть уверены, что не извратим ду-ховность в чувственность, и наоборот, — ибо должно жить и то и другое, одно, черпая жизнь в другом.

Описанное здесь вкратце превращение составляет самое су-щество психологического взаимоотношения супругов. Многое можно было бы сказать об иллюзиях, служащих целям природы и вызывающих типичные для середины жизни превращения. Особая гармония, характеризующая брак на протяжении первой половины жизни (при условии успешного приспособления суп-ругов друг к другу), основывается в значительной степени на проекции определенных архетипических образов, как это ясно показывает критическая фаза брака.

Каждый мужчина носит в себе вечный образ женщины, причем не какой-то конкретной женщины, но женщины вообще, хотя сам по себе такой женский образ является определенным. Этот образ является принципиально бессознательным, наследственным фактором изначальной природы, запечатленным в живой орга-нической системе мужчины, отпечатком или «архетипом» всего опыта предков в отношении женщины, хранилищем, так сказать, всех впечатлений, когда-либо производимых женщиной, — ко-роче, является врожденной системой психической адаптации. Даже если бы женщин не существовало на данный момент, то исходя из этого бессознательного образа всегда можно было бы указать, какой должна была бы быть женщина в психическом отношении. То же самое верно и для женщины: она также имеет свой врожденный образ мужчины. Впрочем, как показывает опыт, точнее было бы говорить — образ *мужчин,* тогда как у мужчины это, скорее, определенный образ
женщины.
Поскольку этот образ бессознателен, он всегда бессознательно проецируется на фигуру любимого человека и выступает одной из главных причин стра-стного притяжения или отталкивания. Я назвал этот образ «анимой», и нахожу схоластический вопрос
«
Habet
mulier

animam
?» (
«Есть ли у женщины душа?»
(лат.) — Прим. пер.)
особенно интересным, поскольку с моей точки зрения — это разумный вопрос, хотя бы потому, что эти подозрения, кажется, оправдываются. У женщины нет анимы, нет души (
no
soul
),
но у нее есть
анимус.
Анима носит эротический, эмоциональный характер, анимус же наделен рационализирующим характером. Отсюда большая часть тою, что мужчины говорят о женском эротизме и, особенно, об эмоциональной жизни женщины, производно от их проекции собственной анимы и потому извращено. С другой стороны, заставляющие по меньшей мере удивляться предположения и фантазии женщин о мужчинах ведут свое происхождение от активности анимуса, создающего неисчерпае-мый запас нелогичных аргументов и ложных объяснений.

И анима, и анимус характеризуются необычайной многосто-ронностью. В браке именно «содержимый» всегда проецирует этот образ на «содержащего», тогда как последнему лишь отчасти удается спроецировать соответствующий бессознательный образ на своего партнера. Чем однообразнее и проще этот партнер, тем менее полной будет проекция. В таком случае этот весьма пленительный образ как бы повисает в воздухе, так сказать, в ожидании, что его наполнит живой человек. Существуют опре-деленные типы женщин, словно природой созданных для того, чтобы притягивать проекции анимы, и действительно, едва ли можно не упомянуть о выраженном «анима-типе». Так называ-емый «загадочный» (букв. — «сфинксоподобный». — *А. А.)* ха-рактер составляет обязательную часть психологической экипи-ровки этого типа наряду с уклончивостью и интригующей не-уловимостью, — и речь здесь идет, конечно, не о том расплывчатом, неопределенном пятне, которое ничего не выра-жает, а о той неопределенности, что выглядит полной обещаний, подобно говорящему молчанию Моны Лизы. Женщина этого типа стара и молода, мать и дочь, обладает более чем сомни-тельным целомудрием, но по-детски невинна и, к тому же, наделена той наивной хитростью, которая так обезоруживает мужчин (Превосходные описания этого типа даны Райдером Хаггардом (H. Rider Haggard, *Sh*
e [
London
, 1887]) и Пьером Бенуа (
Pierr
e
Benoi
.,
L

,
Atlantide
[
Paris
, 1920]).). Не каждый по-настоящему умный мужчина может быть анимусом, ибо анимус должен быть мастером не столько на блестящие идеи, сколько на прекрасные слова — слова,
на вид
полные значения и имеющие целью оставить многое не-. сказанным. Он должен также принадлежать к классу «непонятых» или, в каком-то смысле, не ладить со своим окружением, с тем чтобы в его образ могла вкрасться идея самопожертвования. Он должен быть героем с несколько подпорченной репутацией, че-ловеком с возможностями, о котором не скажешь, что проекция анимуса не может открыть истинного героя задолго до того, как он стал заметен для вялого ума человека «средних, способ-ностей» (Довольно сносное описание анимуса можно найти в следующих произведениях:
Marie
Hay
,
The
Evil
Vineyard
(
New
York
, 1923);
Elinor
Wylie
,
Jen
ifer
Lorn
(
New
York
, 1923);
Selma
Lagerlof
,
Gosta
Berlings
Saga
(1891) [Русск. пер.: Сельма Лагерлеф. Сага о Иёсте Берлинге. — М.: Гослитиздат, 1959. —
Прим. пер.]
).

Для мужчины, равно как и для женщины, если они оказы-ваются «содержащими», наполнение этого образа означает чре-ватый последствиями субъективный опыт, ибо он содержит и себе возможность посчитать собственную сложность удовлетво-ренной соответствующим разнообразием. Кажется, что открываются широкие перспективы, которые дают ощущение собственной объемлимости и вместимости. Я намеренно говорю «кажется», потому что это чувство может оказаться лживым. Так же как проекция анимуса женщины зачастую способна отыскать дейст-вительно незаурядного мужчину, не распознанного массой, и даже может помочь ему достичь своего истинного предназначе-ния, оказывая моральную поддержку, так и мужчина способен сотворить с
е
6
е
femme
inspiratrice
(
Жену-вдохновительницу
(фр-)- — Прим. пер.)
благодаря проекции своей анимы. Однако, чаще это оказывается иллюзией с разрушительными последствиями, провалом, вызванным недостаточной верой. Пес-симистам я бы сказал, что эти изначальные психические образы обладают исключительным позитивным значением, но должен предостеречь оптимистов против ослепляющих фантазий и воз-можности самых абсурдных заблуждений.

Ни в коем случае не следует принимать эту проекцию за индивидуальное и сознательное взаимоотношение. На своих на-чальных этапах она весьма далека от него, ибо такая проекция создает компульсивную зависимость на бессознательных, хотя и не биологических мотивах. *«Она» («She»)* Райдера Хаггарда дает представление о том странном мире идей, который кроется за проекцией анимы. В сущности, это — духовные содержания, зачастую сокрытые под эротической маской, очевидные фраг-менты первобытной мифологической ментальности, состоящей из архетипов, которые в совокупности и составляют коллективное бессознательное. Соответственно этому, такое взаимоотношение по сути своей коллективно, а не индивидуально. (Бенуа, который создал в «Атлантиде» фантастическую фигуру, даже в деталях похожую на « She
», отрицает заимствование у Райдера Хаггарда.)

Если такая проекция привязывает одного из супругов к дру-гому, коллективное духовное взаимоотношение вступает в кон-фликт с коллективным биологическим взаимоотношением и вы-зывает в «содержащем» уже описанное мною выше разделение или дезинтеграцию. Если он умеет справляться с трудностями, то через этот самый

конфликт он обретет себя. В данном случае как раз проекция, хотя опасность заключена именно в ней, помогла ему перейти от коллективного к индивидуальному вза-имоотношению. Это равнозначно полному сознательному осуще-ствлению того взаимоотношения, которое влечет за собой брак. Поскольку цель этого сообщения — обсуждение психологии бра-ка, то мы не можем здесь касаться психологии проекции. До-статочно будет упомянуть ее как факт.

Едва ли можно рассматривать психологическое взаимоотно-шение в браке, не упоминая о природе его критических пере-ходных периодов, даже рискуя быть неправильно понятым. Как известно, человек совершенно не способен понять в психологи-ческом отношении того, что не пережил сам. Но данное обсто-ятельство никогда и никого не предохраняет- от убежденности в том, будто его собственное суждение является единственно пра-вильным и компетентным. Этот обескураживающий факт — след-ствие неизбежной переоценки моментального содержания созна-ния, ибо без такой концентрации внимания человек вовсе не смог бы что-то сознавать. Потому-то каждый период жизни имеет свою собственную психологическую правду, и это в равной мере относится к каждой стадии психологического развития. Есть даже стадии, которые достигаются лишь немногими, — это вопрос расы, семьи, воспитания (включая образование), ода-ренности и увлечения. Природа аристократична. Средний чело-век — это фикция, хотя определенные, имеющие силу для всех законы, конечно, существуют. Психическая жизнь есть развитие, которое легко может быть задержано на самых нижних уровнях. Дело обстоит так, как если бы каждый индивидуум имел свой удельный вес, в соответствии с которым он либо поднимается, либо опускается до уровня, где достигает своего предела. В соответствии с этим будут определяться его взгляды и убеждения. В таком случае не приходится удивляться, что подавляющее большинство браков достигает своего верхнего психологического предела в осуществлении биологической цели без ущерба духов-ному или моральному здоровью. Относительно немногие впадают в состояние более глубокой дисгармонии с собой. Там, где велико внешнее давление, конфликт не может достигнуть дра-матического напряжения из-за явного недостатка энергии. Однако, психологическая ненадежность возрастает пропорционально социальной охране брака, сначала бессознательно, вызывая неврозы, а затем начинает сознаваться, принося с собой ссоры, раздельное жительство супругов, разводы и прочие супружеские беспорядки. На еще более высоких уровнях можно разглядеть новые возможности психологического развития, которые затра-гивают сферу религии, где критическое суждение теряет силу.

Прогрессивное развитие может быть навсегда задержано на одном из этих уровней, при полном отсутствии сознания того, что оно могло бы быть продолжено до следующей стадии и дальше. Как правило, переход на следующую стадию преграждается сильнейшими предрассудками и суеверными страхами. Такое положение дел, однако, в высшей степени целесообразно, так как человек, волею случая принужденный жить на слишком высоком для себя уровне, глупеет и становится опасным.

Природа не только аристократична, она еще и эзотерична. И все же человека с головой это не заставит хранить в тайне то, что ему известно, ибо, по крайней мере, одно он понимает даже слишком хорошо: тайну душевного развития невозможно выдать при всем желании, просто потому, что развитие есть вопрос собственных возможностей (cap acity
) каждого конкретного чело-века.